

Александр Пученков

В поисках пути спасения страны*

Aleksandr Puchenkov

(Saint Petersburg State University, Russia)

In search of a way to save the country

DOI: 10.31857/S0869568722060309, EDN: MPIFBL

Книга члена-корреспондента РАН Ю.М. Батурина — труд в высшей степени необычный. Это научная монография, посвящённая истории подготовки нового Союзного договора, работа над которым велась в 1990—1991 гг. В случае её успешного завершения появлялась надежда сохранить единое государство в виде обновлённой федерации (до августовского путча 1991 г.) или конфедерации суверенных республик (после выступления ГКЧП, провал которого, ослабив позиции М.С. Горбачёва, резко усилил сепаратистские настроения на местах). Батурин входил тогда в состав небольшой команды под руководством Г.Х. Шахназарова (А.А. Сазонов, Г.И. Ревенко, З.А. Станкевич), которая готовила различные варианты договора — с самого начала и до конца (с. 23). Именно поэтому его размышления о перспективах сохранения преобразованной союзной государственности в конце горбачёвской эпохи чрезвычайно интересны, а оценки — в высшей степени компетентны: он может писать о Ново-Огарёвском процессе и как историк, и как участник событий.

В 1990—1991 гг. Юрий Михайлович служил в Аппарате президента СССР, занимая должность консультанта Шахназарова, которому Гор-

бачёв поручил подготовку нового Союзного договора. По свидетельству Батурина, на огромном письменном столе Георгия Хосроевича в то время лежали «толстые папки с документами по разным вопросам, входившим в компетенцию помощника главы государства. Значительная их часть была заполнена документами по проекту Союзного договора... В мои обязанности входило содержать их в порядке, пополнять актуальной информацией, систематизировать. Ни один документ, касающийся проекта, не прошёл мимо меня» (с. 8). В дни путча Батурин, остававшийся «на хозяйстве» в кабинете Шахназарова (отдыхавшего в Крыму, неподалёку от резиденции Горбачёва в Форосе), решил на всякий случай «эвакуировать» эти материалы, перенеся некоторые из них в свой личный кабинет, а другие — домой, к матери. После поражения ГКЧП Шахназаров одобрил действия Батурина, заметив: «Пусть пока остаются там, где сейчас хранятся». Когда же команда Горбачёва после некоторого перерыва приступила к подготовке новой версии Союзного договора, ещё более мягкого и ещё сильнее расширявшего права республик, о старых бумагах, находившихся в квартире Юрия Михайловича, все позабыли — в политическом от-

* *Батурин Ю.М.* Союз (не)возможный. Документированная хроника Ново-Огарёвского процесса. 1990—1991. М.: ИИЕТ РАН; Саратов: ООО «Амирит», 2021. 988 с.

Материал подготовлен при поддержке РФФИ, проект 20-09-00353а «Распад Советского Союза в человеческом измерении: междисциплинарное исследование», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

ношении они уже были не слишком актуальны. «Второй заход» на подписание Союзного договора оказался неудачным. После ратификации парламентами республик Беловежского соглашения Горбачёв ушёл в отставку. За ним последовали и те, кто ещё принадлежал к его команде, включая Шахназарова, который оставил на своём столе записку: «Желаю Вам управлять успешнее, чем мы» (с. 9). Через полтора года, в июне 1993 г., Батуриин стал помощником президента России Б.Н. Ельцина. По иронии судьбы, ему выделили бывший шахназаровский кабинет, где в шкафу Юрий Михайлович с изумлением и радостью обнаружил оставшуюся часть материалов, связанных с подготовкой Союзного договора. Вскоре все они оказались у него дома, а спустя почти три десятилетия эти без всякого преувеличения уникальные источники легли в основу его книги, посвящённой Ново-Огарёвскому процессу. Не так давно они были переданы Батуриным в ГА РФ, где объединены в составе его личного фонда.

В исследовательской литературе и мемуаристике по-разному оцениваются перспективы Ново-Огарёвского процесса. Имел ли Горбачёв шанс спасти единое государство в случае подписания нового Союзного договора, текст которого он согласовал с лидерами республик накануне своего отъезда в отпуск в августе 1991 г.? Проявил ли он себя в ходе многомесячных Ново-Огарёвских бдений как эффективный переговорщик? Не являлась ли найденная им тогда формула консенсуса всего лишь способом узаконить распад страны? Кому вообще был нужен новый Союзный договор? Следует ли считать скороспелую акцию ГКЧП благородной попыткой спасения СССР, продлившей ему жизнь на несколько месяцев, или же, напротив, именно она не позволила

сохранить Союз в том или ином его составе? ГКЧП – невольный убийца Союза или его незадачливый защитник? Мог ли Горбачёв заключить Союзный договор после путча? В книге Батуриина предпринята попытка ответить на все эти вопросы. При этом структурно она выстроена так, чтобы не повторять самый значительный на данный момент труд по истории Союзного договора, подготовленный другим бывшим сотрудником Аппарата президента СССР З.А. Станкевичем¹.

Как пишет Батуриин, в начале работы над предполагаемым соглашением республик с союзным центром «было понятно, что предстоит развязывать тугой узел межнациональных отношений на натянутом канате государственности, в котором от напряжения уже стали рваться отдельные нити. Распутывание всего узла политических, экономических, социальных, национально-культурных и других проблем требовало длительного времени, которого не было. Но ослабить напряжение, чтобы канат не лопнул, требовалось быстро. О подходе к задаче, как гордиеву узлу, не думали». Приступая к разработке договора, «руководство страны показало, что оно готово начать поиск новых форм сотрудничества с учётом интересов и позиций каждой из республик» (с. 118). Более того, принципиальная «новизна подхода, выбранного М.С. Горбачёвым, состояла в том, что в новый Союзный договор изначально закладывалась возможность разных вариантов отношений Союза и республик, каждая из которых выбирает приемлемый для себя путём всенародного референдума» (с. 121). «Было понятно, – вспоминает Батуриин, – что работа над новым Союзным договором займёт длительное время. Она должна была носить характер поиска взаимоприемлемых решений, притирки позиций, компромиссов. Это будет

снижать напряжённость, предотвратить взрыв» (с. 124).

Позиции республик, их готовность к переговорам и ожидания от будущего обновлённого Союза, круг полномочий, запрашиваемых ими у центра, были совершенно разными. Руководство страны, и прежде всего сам Горбачёв, исключительно внимательно следили за перипетиями проходивших во второй половине 1990 г. консультаций, пытаясь определить найденную их участниками «область согласия» между республиками и центром и одновременно «на ходу парировать негативные последствия “парада суверенитетов” и “войны законов”» (с. 218). Президент и его окружение стремились по возможности расширить «область согласия», но это нередко встречало упорное, а порой и ожесточённое сопротивление глав республик².

Консультации выявили заинтересованность республик именно в «обновлённом» Союзе без сильного центра. В одном из своих последних интервью Л.М. Кравчук признавался, что «без Ново-Огарёвского процесса нельзя понять последующих событий. *Мы же не сразу хотели всё развалить* (выделено мной. — А.П.). Мы предлагали Горбачёву перейти от федерации к конфедерации, по принципу Швейцарии. Для этого потребовались бы серьёзные изменения в управлении страной»³. До поры до времени будущие президенты независимых государств — Л.М. Кравчук, А.А. Акаев, И.А. Каримов и др. — считали необходимым принимать участие в подготовке такого Союзного договора, который был бы выгоден и республикам, и центру. Казалось, что достичь согласия было трудно, но возможно. «Новый Союзный договор, — отмечает Батулин, — создавал хорошие предпосылки для того, чтобы перестроить структуру государственной власти в стране, обеспечить её раци-

ональность и экономичность. Но для этого предстояло ещё вернуть доверие к Центру и принципам федерации и договориться» (с. 226).

Первый проект договора, подготовленный группой Шахназарова—Ревенко, разослали в республики 18–19 октября 1990 г. и представили в Совет Федерации 2 ноября 1990 г. На его заседании присутствовали далеко не все республиканские лидеры, однако явно чувствовалось, что их позиции меняются. Батулин тогда же обратил внимание на то, что «большинство выступают за Союз, но начинает проявляться тенденция к отсрочке Союзного договора» (с. 259). Так или иначе, «к январю 1991 года руководство СССР располагало обобщёнными предложениями и замечаниями к опубликованному проекту, объём которых составлял свыше 200 страниц печатного текста. Такой значительный материал требовал глубокого изучения и проработки» (с. 274).

Работу по исправлению проекта договора приходилось вести в условиях продолжавшегося в стране кризиса и усиления центробежных тенденций. 9 марта 1991 г. был опубликован второй вариант проекта Союзного договора, а спустя неделю состоялся референдум, и гражданам предложили ответить на вопрос: «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновлённой федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности». Из тех, кто пришёл на избирательные участки, 76,4% ответили: «Да»⁴. Однако предложенная формулировка, как признаёт Батулин, оказалась слишком «неопределённой и многозначной», и «трудно было дать однозначный ответ на вопрос референдума» (с. 394). Как известно, он проходил лишь в 9 из 15 союзных республик. Литва, Латвия,

Эстония, Молдавия, Армения и Грузия от участия в голосовании отказались. На их территориях оно проводилось только в местах дислокации частей Советской армии. Своим согласием на проведение референдума в таком составе руководство страны фактически признавало, что прежнего Союза больше нет и речь идёт уже о сохранении его ядра. «В целом же, — констатирует Батулин, — позитивные результаты референдума не сняли разногласий между союзным руководством и республиками по принципиальным вопросам будущего страны, наоборот, они продолжали усиливаться» (с. 395).

23 апреля в Ново-Огарёво президент СССР и руководители девяти союзных республик огласили «Заявление “9+1”». По словам Батулина, оно «стало фактическим отказом от воссоздания Советского Союза в прежнем виде (что, впрочем, уже было невозможно)». В результате «вместо “стабилизации” и “преодоления кризиса” это заявление только углубило его» (с. 397). Отвечая на «десять вопросов по истории демонтажа СССР», Станкевич также назвал это заявление, фактически перечеркнувшее результаты референдума 17 марта 1991 г. и предопределившее судьбу СССР, «точкой невозврата»⁵.

Между тем, как пишет Батулин, «поставленные перед выбором: Съезд и Конституция СССР или политический ход, формально выходящий за рамки права, но способный привести к быстрому подписанию Союзного договора и тем остановить дезинтеграцию страны, М.С. Горбачёв и его круг “по-суворовски” предпочли быстроту и натиск» (с. 395). Проблема осложнялась характером взаимоотношений в треугольнике «Союз—Россия—автономные республики» (с. 404) и тактикой Ельцина, с начала 1991 г. явно затягивавшего Ново-Огарёвский процесс (с. 422).

Излагая «Ново-Огарёвские споры», Батулин использовал подробные, «практически дневниковые записи», которые велись им во время заседаний. Это позволило воспроизвести в книге прямую речь их участников, с яркими, а подчас и весьма резкими репликами. Некоторые диалоги читаются на одном дыхании, как захватывающий роман.

Так или иначе, в мае—июле 1991 г. президент СССР смог не только склонить участников переговорного процесса к идее подписания договора, но и предложить приемлемый для них текст: «Окончательно М.С. Горбачёв согласовал оставшиеся спорными вопросы в ходе знаменитой своей “ночной встречи” с Б.Н. Ельциным и Н.А. Назарбаевым 29—30 июля», когда «были одобрены формулировки ст. 1. (Членство в Союзе) и ст. 9 (Союзные налоги и сборы) проекта Союзного договора и выработывался план действий после его подписания» (с. 505). При всей масштабности уступок центра республикам это означало бы сохранение Союза как единого государства. «До путча, — рассказывал Акаев, — подготовили новый Союзный договор, в котором оставалось место и Союзу, и республикам, было чётко оговорено место центра. Лидеры республик хотели в первую очередь кадровую и экономическую самостоятельность. Горбачёв великодушно отдал республикам всё это. Путч сорвал подписание нового договора»⁶.

2 августа, накануне отъезда в Крым, Горбачёв разослал президентам и председателям Верховных советов республик «текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, визируемый руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-Огарёво»⁷. Позднее он утверждал, что «были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного

центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддержали республики, готовность выполнять её положения выразили даже прибалты. Всё, что “сошлось” в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования»⁸. 20 августа планировалось открыть Договор для подписания «государственными полномочными делегациями»⁹.

Подготовкой договора Горбачёв занимался как одержимый, его силы были на пределе, но в его ближайшем окружении в те месяцы не сомневались, что ему удастся удержать власть, а все нити управления государством по-прежнему остаются у него в руках. Как вспоминал начальник личной охраны президента СССР В.Т. Медведев, «всё шло к тому, что всё будет нормально. Михаил Сергеевич работал чрезвычайно напряжённо, казалось, что ему обо всём удалось договориться. Никому и в голову не могло прийти, что может случиться что-то подобное ГКЧП»¹⁰. В итоге, «недооценив хрупкости достигнутых с Ельциным и Назарбаевым договорённостей, Горбачёв уехал в отпуск в Форос. Но их разговор был прослушан, записан и послужил “спусковым крючком” для запуска процесса, приведшего к созданию Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), кардинальным образом повлиявшем на процесс подготовки нового Союзного договора» (с. 508).

Путч девальвировал престиж Горбачёва как главы государства, а крах ГКЧП привёл к обрушению союзного

центра. Российское руководство произвело «перехват» власти, лишив президента СССР и союзные структуры значительной части их полномочий¹¹. Лидеры республик спешили дистанцироваться от Горбачёва, ставшего «заложником Ельцина»¹², и уже не демонстрировали заинтересованности в сохранении Союза.

Несмотря ни на что Горбачёв пытался реанимировать Ново-Огарёвский процесс, хотя в его действиях уже чувствовалась обречённость. Ведь, по словам Батурина, «Россия не была согласна на единое государство, а заниматься переговорами об эфемерной конфедерации смысла уже не было» (с. 549). В 2019 г. С.С. Шушкевич вспоминал: «У нас было ощущение, что у Горбачёва ничего не получается — решили, что больше к нему не поедем». При этом встречу в Вискулях он устраивал «вовсе не для того, чтобы разрушить страну, а из желания получить поддержку России по поводу энергетики — чтобы Беларусь не замёрзла». «Сейчас я понимаю, — рассказывал Станислав Станиславович, — что Ельцину надоел Горбачёв — он хотел от него избавиться. Видимо, Ельцин и Кравчук договорились о чём-то подобном раньше»¹³.

В заключении своей работы Батурин напоминает о том, что подготовка нового Союзного договора началась в тяжелейших условиях фактически уже запущенного разрушения государства и «парада суверенитетов», ставшего не только СССР, но и РСФСР «на грань распада». «Нетрудно представить, — прибавляет автор, — что произошло бы с ней в случае, если входящие в её состав автономные республики стали бы союзными суверенными республиками с правом выхода из СССР... Можно себе представить, какой опасности подвергалась целостность России. Она могла бы перестать быть единым федеративным многонациональным государством, а стать ло-

скутным образованием с вырванными кусками, придя в состояние, близкое Древней Руси в период феодальной раздробленности с множеством удельных княжеств и тем же бессилием» (с. 555). Уже «к концу 1990 года стало ясно, что “парад суверенитетов” зашёл слишком далеко и начал прямо угрожать единству страны. Но поскольку Союзный центр не принял жёстких правовых мер в самом начале процесса и признал сам принцип суверенитета республик, ему ничего не оставалось, как идти по этому пути до конца. А это означало необходимость уйти от конфронтации органов государственной власти Союза и союзных республик, а затем и автономных республик, тем более, что в соответствии с действующим законодательством, президент СССР был неправомочен своими указами отменять или приостанавливать действие высших представительных органов государственной власти республик, особенно после утверждения ими своего государственного суверенитета. Отсюда и возникла тактика бесконечных переговоров, обсуждений, согласований, которая, в принципе, не имеет конца, потому что совершенствование — процесс бесконечный». Тем не менее Батурина допускает, что согласованный 23 июля 1991 г. «Союзный договор мог бы быть подписан несколькими республиками (например, РСФСР, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией), причём Союз в усечённом составе продолжал бы самореформироваться (правда, с трудно прогнозируемым результатом). Но это уже область альтернативной истории» (с. 558–559).

Объясняя несколько парадоксальное название монографии «Союз не(возможный)», автор сказал в одном интервью: «Как в квантовой механике, когда один атом передаёт энергию возбужде-

ния другому атому, их описывает общая волновая функция — “(не) возможен)”. В начале процесса Союз был реален, но спустя двухлетний период уже нет. Я видел этот процесс изнутри, а для внешнего наблюдателя всего населения огромной страны это должно было выглядеть как мысленный эксперимент типа “Кот Шрёдингера”. Кот в коробке (Союз) одновременно находится в двух состояниях — и жив, и мёртв, а действительный результат станет известен, когда коробку откроют. “Коробку” открыли в конце ноября 1991 года, когда завершились переговоры в Ново-Огарёво. С тех пор мы знаем результат»¹⁴.

Написанная блестящим литературным языком книга Ю.М. Батурина имеет большое научное значение; выводы автора тщательно взвешены, осторожны и аргументированны. Её дополняют приложения, имеющие огромную самостоятельную ценность — десятки документов, среди которых различные проекты Союзного договора, замечания руководителей республиканских делегаций, постановления Верховного совета СССР и т.д. В основной части исследования также приводятся тексты писем Горбачёву учёных, партийных и государственных руководителей союзного и республиканского уровня. Публикация данного труда — заметный вклад в историографию Перестройки.

Примечания

¹ Станкевич З.А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016.

² Станкевич З.А. О важности документирования, или что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 62.

³ Кравчук Л.М. Мы с Ельциным предлагали Горбачёву перейти к конфедерации // Литературная газета. 2021. 31 марта — 6 апреля. № 13(6778). С. 4.

⁴ ГА РФ, ф. 7522, оп. 13, д. 134, л. 6.

⁵ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции. СПб., 2021. С. 172.

См. также: *Станкевич З.А.* О важности документирования... С. 63–64.

⁶ Архив автора. Интервью с А.А. Акаевым. Москва. 26 ноября 2020 г.

⁷ РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 298, л. 16.

⁸ *Горбачёв М.С.* Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 35.

⁹ РГАНИ, ф. 84, оп. 1, д. 298, л. 16.

¹⁰ Архив автора. Интервью с генералом В.Т. Медведевым. Москва. 16 сентября 2020 г.

¹¹ *Алексеев С.С.* Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 71.

¹² *Грачёв А.* Из Фороса Горбачёв вернулся заложником Ельцина // *Собеседник.* 2021. № 7. С. 3.

¹³ Архив автора. Интервью с С.С. Шушкевичем. Минск. 30 августа 2019 г.

¹⁴ *Батурин Ю.* Союз разрушимый // *Поиск.* Еженедельная газета научного сообщества. 2022. № 19–20. С. 13.